

Глава 1

Вера неторопливо бежала по своей любимой дорожке под старыми липами и радовалась жизни. Кажется, жизнь с утра сложилась — ни одного прохожего, ни одного собачника, ни одного дворника, даже ни одного бомжа. Нет таких сумасшедших прохожих, собачников, дворников и даже бомжей, чтобы вставать в пять утра. Ух, здорово! Ни одна рожка не пялится, ни один рот не разевается, ни один идиот не свистит, не улюлюкает, не лыбится, не скалится, не хватается за сердце или — еще глупее — не пытается ее догнать. Конечно, ей давно уже наплевать на всякие такие разевания ртов, свисты и хватания за сердце. Она не практикующий врач, чтобы обращать внимание на каждого идиота. Вот она и не обращает. Но все-таки как хорошо, когда их вообще нет. Надо каждый раз бегать в пять утра, и тогда можно будет каждый раз радоваться жизни на законном основании.

Та-а-ак... Похоже, поспешила она радоваться. Нашлись сумасшедшие, которые встали сегодня в пять утра. Хотя эти — вряд ли. Эти, скорее всего,

еще и не ложились. Наверное, из кабака какого-нибудь прутся. Из казино. С тусовки какой-нибудь идиотской. И вот почему-то — мимо именно этого парка, мимо именно ее любимой дорожки под старыми липами. И именно с ее любимой скоростью неторопливой утренней пробежки — не больше десяти километров в час. Прямо скажем, необыкновенная скорость для джипа.

Вера резко остановилась, наклонилась, делая вид, что завязывает шнурок на кроссовке, и из-за локтя быстро глянула в просвет между деревьями на улицу за железной решеткой ограды, окружающей парк. Громадный черный джип тоже резко остановился, черные стекла поползли вниз, в окна высунулись две — нет, даже три! — идиотские морды и с открытыми ртами уставились на нее. Морды были как минимум сутки не бриты. Одна небритая морда тихо присвистнула, другая захлопнула рот и впала в печальную задумчивость, а третья хриплым голосом задала оригинальный вопрос:

— Девушка, вы не подскажите, как проехать к площади Революции?

Вера выпрямилась, обернулась к джипу, серьезно посмотрела каждой морде в глаза, перевела взгляд на заднее колесо и с холодноватой вежливостью сказала:

— Доброе утро.

Глаза у морд были не красные, не похмельные и не наркоманьи. Немножко обаделье, но это ничего, это как раз понятно.

— А? — растерянно сказала одна морда.

— Ого! — растерянно сказала вторая морда.

— Доброе утро... — растерянно сказала третья морда.

Вера оторвала взгляд от колеса, на всякий случай опять серьезно посмотрела каждой морде в глаза и заговорила, ни к кому конкретно не обращаясь, размеренно и звучно, как с кафедры:

— Чтобы проехать к площади Революции, надо сначала доехать до перекрестка, свернуть направо, доехать до следующего перекрестка, свернуть налево, выехать на Московское шоссе, по нему доехать до объездной, на выезде из города есть указатель на Москву, до Москвы по трассе километров триста пятьдесят, от Москвы до Санкт-Петербурга несколько больше, кажется, в два раза, точно не помню, надо посмотреть в Большой советской энциклопедии, а в Санкт-Петербурге вам любой прохожий покажет, где находится площадь Революции. Кстати, разве ее до сих пор не переименовали?

Морды, зачарованные ее речью, молчали и тарасились.

— Чего она говорит, а?

Четвертая морда. Ну да, там же еще водитель.

— Я говорю, что до площади Революции не очень далеко, — так же размеренно и звучно ответила она. — Но вы вряд ли доедете. У вас заднее колесо, кажется, спущено.

— Блин! — хором сказали морды, мгновенно выходя из ступора.

Дверцы джипа распахнулись, и из него полезли туловища. Туловища очень гармонировали с мордами, к тому же их было четыре штуки, поэтому Вера

вежливо сказала «До свидания», повернулась и побежала в обратную сторону. И немножко быстрее, чем до этого, — раза в два примерно.

— Эй! — заорали морды за спиной. — Эй, ты куда? Стой! погоди! Тебя как зовут?.. Познакомиться!.. Встретиться!..

И еще что-то, такое же оригинальное и неожиданное. А одно туловище затопало было вслед за ней, и даже довольно шустро, но Вера оглянулась на бегу — и туловище споткнулось, отстало, а потом и совсем остановилось. Наверное, сообразило, что через парковую ограду все равно не сумеет перелезть, а бегать по разные стороны железной решетки и беседовать на романтические темы — это все-таки несколько странно. Особенно в пять утра. Ну и что теперь делать? В четыре утра бегать, что ли? Так и в четыре какой-нибудь джип может по улицам рыскать. Джипов развелось — как бродячих собак. Хорошо хоть, что эти бродячие джипы не умеют через заборы прыгать и между прутьями ограды пролезать.

Низкая ветка цапнула ее за волосы — сильно, даже заколка расщелкнулась и улетела куда-то в сторону. Чтоб же ей... Всегда одно и то же. Вера затормозила, завертела головой, соображая, в какую сторону на этот раз улетела проклятая заколка, заколки не увидела, зато увидела этот бродячий джип. Бродячий джип с выключенным мотором совершенно бесшумно катил по липовой аллее, едва не задевая сверкающими боками шершавые стволы старых деревьев.

Это что же — бродячие джипы научились прыгать через заборы или пролезать между прутьями ограды?

До чего дошел прогресс... Вот не зря она так не любит этот технологический путь развития цивилизации. Хотя нет, на этот раз на технологический путь она возводит напраслину. Там, дальше, в железной ограде огромная дыра, метра четыре, наверное. Раньше эту дыру ворота закрывали, но их давным-давно сняли и, скорее всего, сдали в металлолом. Одно время в металлолом сдавали все подряд, даже урны, крышки от канализационных люков и мемориальные доски с памятников архитектуры. Эту парковую ограду, наверное, тоже сдали бы, но она была намертво вмурована в бетонное основание, уходящее в землю на противоестественную глубину. Говорят, эту ограду эски строили, дай им бог здоровья, они в железных оградах толк знали. А ворота наверняка вольнонаемные хаптурщики навешивали, чтоб им век свободы не видать... Вот вам и результат — черный бродячий джип на липовой аллее, бесшумно, с выключенным мотором, катящийся под уклон с хорошей скоростью. Мог бы и догнать. Вот идиоты. Двери-то они открыть все равно не сумеют. Как раз на этом участке аллеи деревья растут почти без просветов между стволами, а эти вплотную к стволам идут, даже удивительно, как бока до сих пор не ободрали — или джиповые, или липовые. Очень хороший водитель. Но легкомысленный. Прямо перед носом джипа, буквально метрах в трех, из ровной шеренги мощных стволов, стоящих плечом к плечу по стойке «смирно», одно дерево шагнуло вперед почти на полметра. Добровольцы, шаг вперед! Ну, оно и шагнуло. Все-таки, что бы там ни писали мэтры мутной науки

психологии, а жажда подвига — это великая загадка до сих пор. Грудью на амбразуру, с гранатой под танк, коня на скаку, в горящую избу... Или вот: из ровного строя, стоящего по стойке «смирно», — навстречу черному железному уроду, воняющему выхлопными газами экскременту цивилизации на ее технологическом пути развития. Так что крепче за баранку держись, шофер. Приехали.

Идиотские морды в джипе тоже догадались, что приехали. Высунулись в окна, пялились на подступившие вплотную деревья с таким изумлением, как будто не сами сюда влезли, а неведомая сила их, бедненьких, во сне телепортировала незнамо куда и теперь того и гляди выкуп за освобождение потребует. Даже двери попытались открыть, идиоты.

Вера с горячим сочувствием посмотрела на водителя — все-таки очень хороший водитель, чего уж там, а она была равнодушна ко всему хорошему, — виновато развела руками, пожала плечами, похлопала глазами, повернулась и скользнула между двух почти вплотную растущих стволов вбок от аллеи. Говорят, эту аллею в прошлом веке посадили юные пионеры на каком-то коммунистическом субботнике в честь какой-то годовщины Великого Октября. Вере казалось, что это досужий вымысел. Ну, кто ж деревья в октябре сажает? Деревья сажают весной. Так что липовую аллею юные пионеры, скорей всего, посадили в честь Первого мая, Международного дня солидарности всех трудящихся. Или Дня международной солидарности?.. Впрочем, не важно. Все равно молодцы. И после этого кто-то еще поднимает язык

на коммунистический режим вместе с его юными пионерами, субботниками и солидарностью! Не умеют люди ценить наследие славного прошлого. Правда, еще говорят, что эти липы выросли до таких почти баобабских размеров потому, что были посажены на месте нелегального кладбища жертв того самого коммунистического режима, на земле, хорошо удобренной прахом как действительных противников режима, так и подвернувшихся под руку режиму случайных прохожих на пути к светлому будущему. Может быть, может быть. Диалектика.

— Стой! Ну что ты хоть, а?.. Не убегай! Слушай, не бойся! Я же только познакомиться!

Это морда с хриплым голосом хочет с ней познакомиться. Как будто другие не хотят. Но другие сидят и помалкивают, а этот разорался на весь парк. В пять утра. Никакого самолюбия у человека. Сидит, можно сказать, как кот в мышеловке, и еще орет «стой!». Совершенно не закомплексованный идиот. С точки зрения мутной науки психологии случай довольно интересный. С точки зрения братской науки психиатрии — еще интересней, наверное. Но она не практикующий врач, так что пусть этот идиот знакомится с практикующим. Так о чем она сейчас думала-то? Ах, да, диалектика...

— Ну подожди, а? Ну не убегай! Я ж все равно тебя догоню!

Нет, не дадут ей подумать о диалектике. Догонит он ее! Пусть сначала из своего катафалка вылезет. Люка на крыше у этого бродячего джипа, кажется, нет, а в окно ни одно из этих туловищ не пролезет.

Теперь их хорошему водителю придется пятиться из этой ловушки задом наперед, и какой он ни будь хороший водитель, а багажником хоть разок да зацепится за какую-нибудь пионерскую липу, посаженную в прошлом веке на коммунистическом субботнике в честь...

Багажник! Как же она раньше об этом не подумала! Кажется, во всех джипах багажный отсек соединен с салоном, и этим идиотам ничего не стоит выбраться из машины через багажный отсек! Или она чего-то путает? Вера совсем не была знатоком машин, тем более — джипов, просто один раз видела, как из джипа, похожего на этот, выгружали что-то громоздкое, и один из выгружающих влез в салон, а вылез из багажного отсека... Может быть, этот бродячий джип устроен все-таки как-нибудь по-другому? Иначе эти идиоты вспомнили бы о багажнике раньше, чем она...

Ага, все-таки вспомнили. Хоть и не раньше, чем она. Чем и гордиться даже не хочется — идиоты же, с кем там равняться. Это как обогнать безногого на беговой дорожке. Даже стыдно.

Да, но эти туловища — с ногами. Опять, что ли, в догонялки играть? И это в пять утра! То есть уже в пятнадцать минут шестого, но все равно обидно. Можно было бы еще почти целый час неторопливо шлепать по липовой аллее туда-сюда, дышать утренней прохладой, думать о какой-нибудь диалектике и наслаждаться жизнью. А вместо этого приходится удирать от каких-то идиотов. Нет, от одного идиота. Остальные хоть и вылезли из мышеловки, но оста-

Тихий омут

лись возле нее, стоят, в затылках чешут — ситуацию анализируют. Может быть, и не совсем идиоты. А вот этот, который за ней поперся, — тот совсем. Бегать по пересеченной местности в черном костюме, при галстукке, а главное — в лаковых штиблетах! По недавно подстриженной траве, мокрой и скользкой, будто маслом политой. По крутому склону, утыканному невидными в этой траве кочками и камнями, которые даже она не все изучила. Безумству храбрых поем мы песню.

Вера, прыгая по знакомым кочкам и камням, как по ступеням лестницы, быстро сбежала с крутого склона к набережной и оглянулась. Идиот пару секунд помедлил наверху, посмотрел на крутой склон, посмотрел на спокойно стоящую внизу Веру, что-то неразборчиво пробурчал и тоже стал спускаться. В лаковых штиблетах. И, конечно, тут же поехал по мокрой траве, как на лыжах, а по курсу как раз трамплинчик незаметненький торчал, а идиот никак не ждал такой подлости от природы, вот и навернулся с этого трамплинчика, ахнулся всем своим черным костюмом прямо посреди склона и доехал вверх штиблетами почти до самого низа. Повозился, переворачиваясь вниз штиблетами, пошевелил руками-ногами, потряс головой и попытался встать.

— Ой, — озабоченно сказала Вера, внимательно наблюдая за его шевелением. — Вы осторожней, пожалуйста! А то там яма еще есть, прямо у вас под ногами, такая коварная... Я тоже все время здесь падаю. И иногда даже травмируюсь. А вы ничего не травмировали?

— Даже и не надейся, — сердито буркнул идиот и вдруг захохотал. Отсмеялся, вытер испачканные зеленую ладони о свой черный пиджак, полез по карманам, наверное, проверяя, не выронил ли чего-нибудь ценного во время полета с трамплина, и церемонно представился: — Константин Дмитриевич Сотников. Генеральный директор фирмы «Артдизайн».

Он, не вставая, сделал попытку слегка поклониться — очень смешно получилось, — и ожидающе уставился на нее.

— Вера Алексеевна Отаева, — так же церемонно представилась Вера и тоже слегка поклонилась. — Вы точно ничего не травмировали? Впрочем, я не практикующий врач, так что вряд ли могу быть полезна. Приятно было познакомиться.

Она повернулась и неторопливо потрусила по набережной, время от времени посматривая на вершину поросшего травой склона — не обнаружатся ли там остальные идиоты из бродячего джипа. Нет, не обнаруживались. Ну и правильно делали. У них у всех штиблеты, кажется, тоже лаковые. В пять утра! Что за народ?..

— Вера! — хрипло заорал за ее спиной идиот, который оказался генеральным директором какой-то там фирмы. — Подожди! Я ж познакомиться... Я ж ничего такого... Постой, Вера!

Она остановилась, оглянулась и строго уточнила:

— Вера Алексеевна, если вы забыли. И мы ведь уже познакомились, господин Сотников, разве вы и этого не помните? А вы уверены, что не стукнулись головой? При травмах черепа это бывает. Я хоть и не практи-

кующий врач... ну да, я это уже говорила. На вашем месте я бы какое-то время не двигалась. Покой, покой и еще раз покой. Тогда полное выздоровление намного вероятней, хотя на сто процентов тоже не гарантируется. Будьте здоровы, господин Сотников.

Господин Сотников опять попытался встать, но опять не сумел и скатился до самого низа склона на своем черном костюме, слегка дрогнув туловищем на той коварной яме, о которой Вера его честно предупредила. Ну, почти честно — о существовании ямы она ничего не знала, но раз уж яма все-таки оказалась, значит, предупредила она господина Сотникова все-таки честно. А он не прислушался к ее предупреждениям. Его черный костюм теперь ни одна химчистка не возьмет. Ну и правильно — нечего шастать в черных костюмах прямо посреди июня. Да еще в пять утра.

Господин Сотников потрогал подошвой лакового штиблета бетон набережной, как обычно трогают голой ступней воду, прежде чем войти в речку. Это тоже было смешно. Вера чуть не спросила, как бетон — не скользко? Но тут господин Сотников наконец встал, потопал ногами, похлопал руками, с недоумением оглядел свой черный костюм, старательно размазал по нему несколько особенно ярких пятен земли и зелени, после чего вытер ладони об относительно чистые места на пиджаке, вздохнул, подняв взгляд на Веру и торжественно заявил:

— Вера! У меня есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

— Смогу, — успокоила его Вера. — Я от любого предложения смогу отказаться. Так что вы можете

